

Вот пришел режиссер...

Казань, увь, сегодня больше известна феноменом подростковых группировок, их кровопролитными схватками, растерянностью правоохранительных органов и педагогов. Сомнительная слава катится по городам и весям, о нас пишут уже и за границей. Вот на таком фоне и заговорили о Тюзе.

Так ли уж это удивительно? Очевидно, нет ничего особенного в том, что негативные явления в казанской среде породили потребность в позитивной ситуации. Ее реализовал Тюз. Мрак сумрачных провинциальных будней, где стали нормой непрерывные наряды ДНД и милийские патрули, рассеивается, когда зажигаются фонари у здания театра на улице Островского. Днем там выстраивается хвост за билетами — уже на будущий месяц. А раньше кассу посещали разве что уполномоченные от школ педагоги-распространители.

Все началось — так уж водится — с приходом нового главного режиссера. Событие для многих театров рядовое — воя в соседнем, «взрослом» Русском театре имени В. Качалова сколько их уже сменялось... Но Тюз с приходом Бориса Цейтлина не только приобрел новое качество, но обрел собственное живое лицо.

Режиссер начал с того, что поставил «Дракона» Е. Шварца, чем вызвал поначалу недоумение. Оппоненты сочли это конъюнктурой. Но они пренебрегли главной отличительной особенностью шварцевской драматургии — ее общечеловеческой значимостью, ее в высоком смысле слова универсальностью. Сегодня уже ясно, что «Дракон» был выбран режиссером не из суетливого стремления, чтоб «утром — в газете, вечером — в куплете». В спектакле заложены многие принципиальные творческие установки нового художественного руководителя Казанского тюза.

Обладая завидным чувством юмора и тактом, режиссер не морализирует, не пытается выдать зрителям чудодейственных рецептов легкой победы над злом. Его спектакль — не пафоса от грядущих драконов, но он вселяет веру в Человека — разумного, мыслящего, неважно, выросший это или ребенок. Цейтлин вводит в свой спектакль детей. В финале «Дракона» юные создания открывают Шварца и начинают читать. Мальчик и девочка в казанском спектакле — символ нынешнего поколения, которое уже сейчас должно задуматься о своем пути. И постановщик верит, что каждый из них может стать Ланцелотом.

Что же касается Ланцелота, то отношение к нему у режиссера, несомненно, глубоко личное. Подобно странствующему рыцарю, пережил сам Цейтлин из Орла в Омск, из Ленинграда в Красноярск, работал главным режиссером в Брянском тюзе. И каждый раз после одного-двух спектаклей местные руководители начинали понимать, что за «неудобный» человек к ним явился. И опять приходилось начинать все заново...

В Казани Борис Цейтлин встретил директора Тюза Сергея Овсянникова, известного в городе своей приверженностью свежим веяниям, талантливым начинаниям. Например, лет десять назад, в бытность свою заместителем директора Молодежного центра, Овсянников активно способствовал зарождению целой сети молодежных объединений — самостоятельной песни, любителей кино и т. д. Директор театра поддержал нового главного — и энергия Овсянникова стала еще одним слагаемым нынешнего успеха.

От Тюза в городе ждали, чтобы он занял свое место в борьбе с подростковыми группировками... Цейтлин в ответ на это только пожимал плечами. В зале около 400 мест. В городе — за миллион жителей. И парни из группировок в театры не ходят. Даже с учителями. Театр вообще решительно подвел черту под любыми принудительными походами. Ставку сделали на человеческий интерес. И это, если хотите, не только «одно из слагаемых», но главное условие успеха театра.

...Следующая постановка Тюза вызвала в городе, особенно в педагогической среде, немалые волнения. Александр Галин. «Звезды на утреннем небе». Это ведь — представляете ли? — про этих самых, которые... И где — в Тюзе!

Спектакль этот, выстроенный по законам брехтовского театра-суда, переполнен нравственной болью. Он мучительно кричит и корчит вместе с затнанными на 101-й километр дикими девочками. В них многие казанские девочки узнают себя, собственную нескладную судьбу, свое положение в мире взрослых. Вот он, этот мир: во время спектакля по обе стороны сцены выстраиваются две шеренги миллионов. Крепкие, справные парни оберегают парадную жизнь от... падших? Изгоев? Но ведь это же все равно живые люди! Казанский тюз заявляет о несправедливости такого общественного устройства, при котором ради показухи, красного фасада возможно унижение человека, равнодушие к его судьбе.

Борис Цейтлин стремится приглашать в свой театр на постановку интересных, талантливых, высокопрофессиональных режиссеров, понимая, что театру как воздух нужна атмосфера здоровой творческой конкуренции, что без новых идей дальнейшее развитие театрального организма немисливо. Режиссер А. Полухина была приглашена из Ленинграда для постановки пьесы И. Гловацкого «Другая жизнь». Тема пьесы оказалась актуальной для Казани. Так как советская воспитательно-трудовая колония (где разворачивается действие спектакля) все-таки заметно отличается от польской школы для «трудных» девочек-подростков, театру пришлось пойти на серьезную обработку текста. Но суть от этого не изменилась: вывернутая наизнанку мораль, царящая в колонии, выморочное, неестественное существование, жизнь под надзором и по приказу еще больше калечат неокрепшие души девочек. А взрослые вокруг них, включая группу кинодокументалистов, видят в подростках только материал для своих игр...

К чести театра надо сказать, что и «Другая жизнь», и «Звезды...» несмотря на весь драматизм постановочных решений и трагическую глубину заключенного в них жизненного материала, оставляют зрителям «свет в конце тоннеля». В стенах Казанского тюза, поднявшего сегодня знамя гуманизма и милосердия, это глубоко оправдано. Да и сама жизнь ведет к тому же: как ни тяжело, как ни трудно, но мы все — свидетели и участники происходящих в стране перемен, мы возвращаем себе свободу. Познавая себя, свою историю, мы, сегодняшние, начинаем по-новому оценивать события 17-го и других годов. Мы сами становимся другими.

Тюзовский зритель тоже меняется. И Казанский театр вместе с ним разоблачает зловещего «Дракона», анализирует страшную и трагическую «Другую жизнь». Страстный, бескомпромиссный разговор о том, что вчера еще было запрещенным, тоже вносит существенную лепту в эти перемены, освобождая зрителей от искусственной, запретной созданной скорлупы. Театр пробуждает в них чувства истинно добрые, помогает вернуть истинные ценности — человеческие!

Сегодня в Казанском тюзе ренессанс романтики. Театр поставил «Алые паруса» А. Грина. Честно говоря, я засомневался, впервые увидев это название в репертуарном плане. Уж очень несвоевременной кажется гриновская романтика в наше жесткое время. Но я ошибся. Веселый, задорный, наполненный музыкой спектакль привлекает идеей сотворения чуда своими руками. И понятное поначалу намершение недоевие зала сменяется к концу спектакля восторженным единением зрителей и артистов. Оказывается, если человек молод, то потребность в оптимизме, романтике, несмотря ни на что, остается неотъемлемым его качеством! Да и я в свои 50 с лишним лет испытываю ее благотворное влияние.

Хочу сказать напоследок о некоторых конкретных проблемах. Театру как воздух нужна постоянная пресса. И не только хвалебная. Создавать и развивать театральную среду — дело общее, чрезвычайной важности. Пусть сталкиваются на страницах газет разные мнения!

Конечно же, театру еще позарез нужна материальная и организационная помощь. Пока что все шло по старому принципу: «У вас же все хорошо, помогать надо отстающим...». А разве поддержать коллектив на взлете не надо? Помочь выйти на всесоюзного и даже зарубежного зрителя — значит дать стимул для развития. Сейчас, похоже, новое руководство ОК ВЛКСМ понимает нужды театра, обещает поддержку. Ну а пока, как и многие другие, театр мучается нехваткой жилья, зарплат, средств и материалов на постановки... Но наш Тюз доказывает, однако, что можно хорошо работать даже в тех условиях, которые сейчас есть.

Пересчитывая последний вариант статьи. Наверное, в этих заметках я слишком увлекся общим в ущерб конкретному опыту работы Казанского тюза... Подошел сын:

— Папа, мы с ребятами хотели в Тюз, а билетов нет... Ты же можешь...

— Нет, сынок, не могу. Давай жить на общих основаниях — так честнее. А что вы хотели посмотреть?

— «Дракона».

— Давай пока почитаем Шварца...

И мы открыли книгу.

Роберт КОПОСОВ.

КАЗАНЬ.